

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Главный редактор
Наталия Николаевна КОСТЮЧЕНКО

Редакционная коллегия:

Владимир Андриевич, Алесь Бадак,
Виктор Васильев, Мария Воинова-Стреха, Вадим Гизин,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков, Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталя Шарангович, Виктор Шнип

Адрес редакции

Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: nemanmag@gmail.com

Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:

74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель

Издательское республиканское унитарное предприятие «Мастацкая літаратура»

Технический редактор, компьютерная верстка, дизайн: Н. А. Артёмова

Стильредактор: О. В. Козлова

Подписано в печать 10.08.2023. Формат 70 × 108 $\frac{1}{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 10,02. Тираж 580. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция только сообщает автору свое решение.

Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2023

© ОО «Союз писателей Беларуси», 2023

© УП «Мастацкая літаратура», 2023

Виктор ШНИП

СКВОЗЬ ВЕКА

Баллады

БАЛЛАДА НОЯ

Мне в ковчеге Ноя средь всемирного потопа
Почему-то часто снилась по ночам
Золотая, как в пожаре вся, Европа,
Серая, как пепел, что развеян по полям.
В неизвестность плыли мы сквозь дождь и ветер,
И, казалось, будто обманул нас Ной,
Не останется никто на этом белом свете
И никто из нас попасть не сможет в мир иной.
Вглядывался вдаль я, словно в пропасть,
Черную, как долгий бесконечный сон,
И смотрел на Ноя, не испытывая робость,
Как король на слуг, что отобрали трон.
Плыли долго мы, а может, плыли вечно,
Отыскал в Европе каждый, что хотел,
Путь ковчег в море стал путем нам Млечным,
И ковчег, как ангел, в небо улетел...

И смотрю я в небо, ожидаю Ноя,
И мне снова снится часто по ночам
Море, словно угли, ярко-золотое,
Серое, как пепел, что развеян по полям...

БАЛЛАДА НЕМИГИ

Как в землю сырую зарытая книга,
В проржавленных трубах под нами Немига,
Мы тут, как трава, что растет с давних пор,
Живем днем одним и не помним былого,
И только недавно припомнили Бога.
Ведь рядом, как память Немиге, — собор.

И ты мне твердишь, что последнее дело
О том тосковать, что на небо взлетело
И что зарастает безбожной травой,
А сам по Немиге печально проходишь
И к Храму дороги другой не находишь,
Как люди Немигу — под мертвой землей...

БАЛЛАДА ТУРОВА

На Беларуси Бог живет.
Владимир Короткевич

Рог из тура в Турове звучал
И сквозь туман, как сквозь века, из трав
Всплывало солнце, словно шлем, но этот
Шлем, словно кровью, был наполнен светом.
И начинался день, словно война,
И ночь, словно разбитая стена,
Словно орда, что прочь бежала от ворот,
Ведь тут, на Беларуси, Бог живет
И будет вечно в наших храмах жить,
Ведь рог из тура в Турове звучит,
А значит, наши души не мертвы
И утром, наподобие травы,
Мы к небу тянемся, а солнце в небе том
Как шлем наполненный святым вином,
Но пить его, словно себя сжигать
За этот мир, где нам из тура рог
Звучит над пыльной вечностью дорог,
Чтоб ты и я свой край смогли понять
И Беларусь любить, как любит Бог...

БАЛЛАДА ХРАМА

Тут, где солнце как лодка в тучах,
Как огонь, что в песке исчезает,
Белый Храм, словно солнечный лучик,
Куполами реку осветляет.
А в реке той солнце рождалось
И всплывало над миром и мной,
И таким бесконечным казалось,
Что вся жизнь была вечной рекой.
И вела нас мечта о Храме,
Но не думали мы в тот час,
Что без Храма исчезнем мы сами,
Как дома исчезали без нас,
Где тепло материнской ласки,
Где нам было о чем вспоминать,

Алесь КОМАРОВСКИЙ

ПЕНАЛЬТИ

Повесть

Мяч с силой врзался в крестовину ворот, подскочил несколько раз и медленно покатился навстречу Вадику, а потом, как замороженный, остановился на белой отметине — пенальти! Вратарь, не дотянувшись до мяча в отчаянном броске, бессильно лежал около штанги. Защитники застыли, так как знали, что этот не промахнется, такой момент не упустит. Судья поднес свисток к губам, после удара рука уверенно покажет на центр.

Такой мяч можно было забить по-разному. Три мысли мгновенно промелькнули в голове футболиста. Можно было подхватить мяч и рывком ворваться с ним в сетку, не боясь, что вратарь поднимется и помешает. Можно было «щечкой» ноги легко катнуть его в пустые ворота, даже пустить по центру — и никто не перегородит ему дорогу. Эти два пути — самые легкие и надежные. Но Вадику хотелось забить с шиком, с силой приложившись к мячу, вколотить эффектно, мощно, чтобы отбросило это черно-белое ядро назад, в поле. Таких ударов и ждет стадион, ради них болельщики утром занимают очередь в кассы или запоздало перекупают билеты. Он хорошо это знал. И потому две первые мысли мгновенно пропали. Вадик ускорил бег и с силой замахнулся правой ногой...

* * *

Еще и теперь в его облике было что-то юношеское, молодое. Густой чуб, перевитый сединой, красиво нависал над разлетом бровей. Глаза — глубокие, вдумчивые, будто бы в их вирах притоплен клад опыта и мудрости, который нет-нет да и блеснет в зрачках горячими искорками. Ровный, с немного приметной горбинкой нос уберегли сотни падений и воздушных дуэлей. Хотя редко кто из футболистов — о, сколько таких случаев мог вспомнить главный тренер! — заканчивал карьеру, не познав вкуса крови, тупой боли переломов, тягучих и надоедливых вывихов и растяжений.

Губы, как после прикуса, — налитые, вычерченные... Упертый, слегка раздвоенный подбородок... Это он такой, если смотреть со стороны, с левого плеча. А если с правого... Сразу же вспомнится залихватский казак, смелый и

суровый, в порыве полета на удалом скакуне. Глубокий шрам, что рвано пролег от уголка губ до самого глаза, еще больше подчеркивает эту схожесть. Ровные стяжки сине-белых швов на шраме, как лестница, ведут в память, в тот далекий апрельский матч с поляками...

— Брейся быстрее, а то картошка остынет! — позвала из кухни жена.

Леонид Николаевич последний раз провел лезвием по щеке, подставил станок под струю воды...

И тогда текла вода... По щекам, губам, вискам... Но это было потом, когда его вынесли за поле... А перед этим... Что же было перед этим?

Три минуты оставалось до конца игры. Три минуты — и по нулям... Атаки глохли на подступах к штрафной поляков. Почти вся команда оттянулась на свою половину поля, выстроила тройной заслон, который пройти было не так легко. Высокие защитники гостей все верховые мячи отбивали, а те, что навешивались на ворота, спокойно ловил голкипер. И вот здесь Слава Поронин, левый крайний нападения, прострелил низом в штрафную. Мяч шел не прямиком, а от подрезки делал дугу в сторону одиннадцатиметровой отметки от вратаря. Поэтому вратарь и не среагировал на этот низкий, подкрученный мяч. Защитники привыкли, что все мячи уходили в сторону ворот...

Он рванулся на эту передачу на последнем выдохе. Мгновенно оценил момент: прямой удар не пойдет — стоппер закрыл путь и вратаря; пробить левой или правой он не успеет — не дотянется; левый угол ворот на метр-полтора открыт... Оттолкнулся и нырнул вниз, вложив все в удар головой. Пробил и не видел, как чья-то бутса запоздала отбить мяч и по инерции дошла до виска... Не видел, как мяч мелькнул в нижнем углу ворот впритирку со штангой... Не слышал, как прозвучал судейский свисток...

По щекам, губам, вискам текла вода... А может, и кровь...

Но это было давно, ох как давно...

* * *

Сколько раз видел Семен Михайлович, как хитро и тонко плетет свои сети паук-крестовик. Между деревьев или веток он первую нить укрепляет сразу вверху, потом спускается с нее и раскачивается, пока не захватит боковой ствол. Но самое тяжелое для него — натянуть поперечку, натянуть туго, чтобы сетка потом чутко вибрировала от легкого прикосновения жертвы. Наконец, когда основание рамки готово, крестовик пускает радиальные лучики-паутинки, а потом легко соединяет все радиусы концентричными кругами. Не все нити, с которых сплетена сетка, одинаковые: посередине, где сидит паук, они гладкие, сухие и шелковистые, а вот дальше от центра — клейкие, с множеством узелков.

Что-то похожее на паутинные сети плетет на футбольном поле и тренер. Невидимые задумки и ходы хитро «перенитовываются» в его голове и глазах, а потом оживают в стремительном росчерке ног и ударов. Он — хитрый паук, а команда — тонкая паутина комбинаций и замыслов, проработанная заранее, хорошо продуманная, с неожиданной импровизацией для противника.

Семен Михайлович сидел под козырьком прессовской ложи, пустой и тихой, смотрел на белые линии стадиона и думал о вчерашнем письме, что пришло с телерадиокомитета. Что скрывалось за несколькими

строчками, набранными на компьютере? «Просим Вас явиться к председателю комитета для оказания посильной помощи». Какой помощи? Для чего? Да и чем мог помочь взрослый мужчина могучему телевидению и радио страны? Гадать напрасно — то же, что плавать на берегу. И Семен Михайлович легко приподнялся и пошел к толпе пристадионных болельщиков, которые с утра до вечера слонялись под шатрами лип, до хрипоты спорили о футболе, вспоминали разные эпизоды и случаи из давнишних матчей, судили о нелегкой судьбе родного «Динамо» в высшей лиге...

— Во им, а не машины! — коренастый черный лохмач с сизым носом ткнул дулю куда-то вверх. — Сразу надо игру показать. А то начнут теперь проигрывать всем... Как развалился СССР, так и футбол развалился!

— Ну, не скажи, — тонкий блондин распахнул куртку, распрямил на шее шарф. — Вот только теперь и начинается футбол, в районных городах он подтянется до уровня столичного, так как сейчас не первенство какой-то области или товарищества, а страны. Звучит! Да и фундаторы найдутся, спонсоры объявятся. Вот увидите! Разве это не престиж — какому-то Мозырю или Бобруйску в чемпионы выйти? А дальше — Европа, Кубки... Хочешь не хочешь, а подтягиваться нужно, чтобы не упасть лицом в грязь.

— Э-э, браток! — мужик на подпитке взлохматил гриву рыжих волос. — Футбол-то будет, я не сомневаюсь, но растащат лучших, как пить дать, разберут. Там, в России, рубль дороже, чем у нас. А за рубежом и долларами помянут, мерсами-шмерсами перетянут.

— Ничего, молодые подрастут. Беларусь на таланты никогда не была бедной.

Семен Михайлович в душе порадовался тревоге и переживаниям болельщиков, хотел бы еще послушать, но стрелки часов бежали быстро и надо было спешить домой.

* * *

У каждого футболиста были свои суеверия и предрассудки. Многие верили, что перед игрой нельзя бриться. Почти каждый футболист начинал обувать бутсу с левой ноги, а потом ею же ступал на зеленый газон футбольного поля. Было еще много тонкостей и нюансов, в которые верили молодые души. Все это, видно, пошло от побед и поражений, когда самой незначительной привычке или детали придавалось особенное значение, переходящее даже в культ. От старших эти манеры перенимали те, кто моложе, вокруг мяча и футболистов витали тайны, которые потом перерастали в легенды.

У Вадика Ясинского суеверий не было. Он не верил, что невыбритый пушок на щеке, завязанный шнурок на левой бутсе могли оказаться причиной победы. Перед началом сезона он попросил Леонида Николаевича дать ему футболку с тринадцатым номером, от которого так отгораживались ребята. И то ли в шутку, то ли серьезно «чертова дюжина» будто бы оберегала его в играх: мениски и ахиллы пока не встречались с шипами, а тело его, мускулистое и наструненное, в этом сезоне не познало еще болезненных синяков и ссадин.

Правда, без толчков и столкновений не обходилось, как в каждой игре, но все это заканчивалось чисто, без травм. И Вадик верил, что своевременная реакция, тонкая интуиция, какое-то подспудное предвидение, что с годами выра-

батывалось у каждого футболиста, значат куда больше, чем старые суеверия. Быстрый бег, высокий прыжок, дриблинг и точный удар — вот что должно быть у настоящего инсайда. И тонкое предвидение... Предвидение развития атаки, предвидение двух-трех ходов вперед, предвидение отскока мяча...

Чемпионат республики проходил вяло и неинтересно. Динамовцы легко громили районные команды, у которых не было надежной тренировочной базы, больших спонсоров и даже хороших футбольных полей. Будто смеясь, они на выездах забивали в ворота противника пять-шесть голов. Забивали на любой вкус, иногда с выдурачиванием, на спор: в левый или правый верхний угол. А домашние матчи проходили при полупустых трибунах — болельщик заранее знал, кого ждет разгром. Правда, в тех городках, где раскинулись могучие заводы и комбинаты, где местные божки и магнаты кидались в амбицию — мол, и мы тут не лыком шиты! — закупали в России или в Украине футбольных «варягов». Там сопротивление было более отчаянным, там победа доставалась с натугой и тяжестью. Но таких городков было два-три. И вот эта легкость побед могла размагнитить, ослабить команду. Да и зачем выжиливаться и выпинаться, когда три очка можно взять малой кровью? Вот о чем перед каждой встречей напоминал главный тренер. Леонид Николаевич прошел такую футбольную школу, что очень остро чувствовал настроение команды. А волнения эти забежали наперед, в будущую майскую встречу на Кубок чемпионов с голландским «Аяксом». Вот где столкнутся два взгляда на футбол. И победить и дома, и в гостях будет ой как нелегко!

Знал это и Вадик. Знал и вкладывал в тренировки всю силу, выкладывался до судорог в ногах, когда усталое тело просило отдыха и теплого ливня душа, прохлады бассейна...

* * *

Вика плакала. Плакала от обиды, что так давно не видела Вадика. «Хоть бы позвонил... Или забежал... Можно подумать, что у него и минуты свободной нет. Лучший бомбардир, лучший забивала... — слезы текли еще больше, редкие всхлипы сотрясали тело. — А чего я плачу? Разве он мой муж? Дура! Кто я ему: жена, любовница? Рассиропилась на первой встрече, увлеклась... Такой красивый, такой известный! А куда та слава денется, когда закончит играть или ногу ломает? Тьфу-тьфу, не надо! Что я ему зла желаю? Так еще и наговоришь... Да и я хороша. Почему сама его не проведала, на футбол не сходила? Небось, фанатки прохода не дают... Нет, нужно что-то делать!»

Вика решительно встала, тряхнула волосами, посмотрела в зеркало: припухшие веки, размазанные тени, глаза злые и пустые... Отвернувшись, чтобы не видеть себя такую, пошла в ванную, включила душ...

Через час в подземный переход метро вбежала красивая улыбчивая девушка. Голубые джинсы, под цвет джинсов — свитер, тонкая курточка и сумка через плечо. Кто сказал бы, что недавно она, заплаканная и расстроенная, отшвырнула полотенце, мокрое от слез? Ребята сморщили на нее, окрыленную и вдохновенную, оглядывались, будто увидели счастливую птицу в вольном полете. Оглядывались и мужчины. Да и как было не оглянуться, когда рядом — неземная красота!

Вика вынырнула из метро и минут через десять была около стадиона. У входа в раздевалку сидел седоволосый

мужчина. Мощная фигура его, утяжеленная годами, всколыхнулась, и он посмотрел на девушку, словно кряжистый дуб заметил бабочку.

— Скоро приедут... Сегодня здесь тренировка. Все же мои, бывшие... Садись вот рядом.

Девушка знала (Вадик вспоминал однажды), что это — бывший тренер Иван Иванович. Не успела она примоститься на скамейке, как в раскрытые ворота въехал «Икарус». Передняя дверь открылась, первым без сумки вышел главный тренер.

— А, Иван Иванович... День добрый! Не сидится дома...

— Не сидится, Ляня. Пришел посмотреть на своих орлов. Скоро с голандцами бойня будет.

— Вот и посмотрим, какие они орлы.

Вика встала. Ребята в спортивных костюмах с огромными сумками выскакивали из автобуса и уходили в подтрибунный коридор. Вадик вышел последним. Поздоровавшись с Иваном Ивановичем, направился к двери, но что-то остановило его в последнее мгновение, заставило оглянуться.

— Вика, ты?

— Как видишь. Пришла посмотреть на форварда, ослепленного славой...

— Ну, слава славой, а я и правда не мог заглянуть к тебе: двухразовые тренировки, а скоро и сессия...

— И все же, — девушка бросила сумочку за плечо.

— Вика, милая, я приду к тебе в субботу. Съездим куда-нибудь на природу. — Вадик перехватил сумку второй рукой. — Жди меня. И не думай ни о чем плохом.

Голубое небо прорезал белый след реактивного самолета. А над стадионным голос Эдиты Пьехи выводил строчку полузабытой песни «На тебе сошелся клином белый свет...».

* * *

Председатель комитета блеснул стеклышками очков на Семена Михайловича, отложил кипу бумаг на край стола:

— Я слышал, Семен Михайлович, вы когда-то в футбол играли?

— Играл, но давно. За донецкий «Шахтер». Поехал туда, как говорится, на заработки, за долгим рублем. В один из выходных загорали мы с другом на пляже. А рядом с нами два профессионала раскручивали обычных любителей на маленьких воротах. Играли на пиво. Не выдержали мы с Максимом и вышли против них, за двадцать минут кто кому больше забьет. Я за себя не боялся: обводка, бег, удар. А вот Максим слабее немного был. Одним словом, мы им пять забили, а они нам два. Ящик пива мы выиграли. Да не в пиве дело. Пригласили они меня на тренировку «Шахтера». Я съездил. Тренер сразу же меня в дубль поставил. В первой же игре я москвичам забил. Потом и другим колотил. В основной состав начали ставить...

— Ну, так вы знаете футбол не по слухам и сами прошли через его тонкости.

12

— Пришлось пройти. Может, и дальше бы пошел. Но в игре с грузинами, когда в падении бил головой по воротам, защитник двумя ногами в мое предплечье врезался.

Валерий МАКСИМОВИЧ
ПОКА Я ЗДЕСЬ,
ПОКА ЕЩЕ
ДЫШУ...

СЛУШАЯ МЕЛОДИЮ

В череде обыденности дней,
Скуку и унынье отгоняя,
Я мелодией, что всех милей,
Душу свою жадно наполняю.

Чувственной мелодией своей
Не спеша хочу я насладиться,
Чтобы стали ближе и родней
Дорогие образы и лица.

Никаких излишеств не прошу,
Никаких дарений не желаю.
Может быть, и я подчас грешу,
Но за это перед Богом каюсь.

Всех обид и горестей не счесть.
Но ответь мне, истина святая,
Почему жестокость, зависть, месть
Буйным цветом в мире процветают?

Почему, где властвуют снега
И протяжно в поле воеет вьюга,
Можно так легко нажать врага
И так трудно стало встретить друга?

Выйду незаметно со двора,
Разведу огонь я у дороги,
Чтоб смогли согреться у костра
Страждущие человекобоги.

У судьбы на крошечном краю,
От деяний суетных далече,
Утреннюю встречу я зарю
И зарю вечернюю привечу.

И, возможно, малость согрешу,
Если под мелодии звучанье

Тихо и смиренно попрошу:
— Ты продлись, мое очарованье.

РАЗДУМЬЕ

А дни летят стремглав, и не поспеть
За ними мне вослед по бездорожью.
Казалось бы, чего еще хотеть? —
Как будто вдалась я на свете пожил.

Как будто много дел больших свершил
И малых дел, особо незаметных.
По совести всегда, по чести жил,
И все мне удавалось худо-бедно.

Но почему, когда я брошу взгляд
На прожитую жизнь свою, не скрою:
Такое чувство, будто я не рад,
И все, что было, — было не со мною?

В беспутстве дней я верил и любил,
Переживал и побеждал сомненья.
Тогда откуда голос: — Ты не жил,
А если жил — всего одно мгновенье.

Ропщу, не зная, что тому виной.
Быть может, сам я, с правдой породненный
И выравленный желчною молвой —
Непонятый никем и непощенный.

Как трудно все же истину понять,
Постигнуть жизни суть не сожалея, —
Чтобы душою восторжествовать
И во сто крат стать чище и сильнее.

Молитвенно пощады не прошу
И недругам всех благ земных желаю, —
Пока я здесь, пока еще дышу —
Я эту жизнь всецело принимаю.

В МЕРЦАНЬЕ ЗВЕЗД

Как восхитительно оно,
Мерцанье звезд в ночном безбрежье,
Но нам постигнуть не дано
Космическое безмятежье.

Их тайных грез не разгадать,
Не уловить сердец биенье
И не постигнуть, не познать
Их бытие-предназначение.

Но мучит ли их все ж тоска
В краю холодного безмолвья

И могут ли они в веках
Согреть сердца свои любовью?..

Не звезды мы. И на земле
Гореть иным мы светом можем, —
Дано любить нам и жалеть
Того, кто ближе и дороже.

Соцветье чувств нам в дар дано,
Чтобы не там, в безмолвной дали,
А здесь, где жить нам суждено,
Друг другу мы роднее стали;

Чтобы в возлюбленных глазах
Мы жадно искорки ловили
И всем смертям назло, в веках —
На зависть звездам всем — любили.

.....
Не звезды мы. И потому
Так важно на краю безмолвья
Дарить тепло свое всему
С желаньем, с искоркой, с любовью.

В ПЛЕНУ ВИДЕНИЙ

Пусть все пути переплелись
И невзначай перемешались,
Но только мы вдвоем с тобой —
Непокоренные судьбой —
В ненастье дней не потерялись.

Нетронутыми с давних пор
Остались вера и надежда...
А чувства пламенно горят,
О многом сердцу говорят
И вновь волнуются, как прежде.

Влекомые виденьем грез
И с нетерпеньем неизменным,
Сквозь пелену далеких лет
Они летят на яркий свет —
На встречу с юностью нетленной.

На миг лишь стоит замереть,
Как сердце снова встрепенется —
И неприметно в тот же час
Сиянье лучезарных глаз
Его пленительно коснется.

ЖИВУ И ПОМНЮ

Я поверить не мог в упоение счастьем —
Мне казалось, оно безвозвратно ушло.

Только что-то в пути не давало упасть мне,
Только что-то дарило мне свет и тепло.

В ожиданье застывшем, с незыблемой верой
Я хранил свои чувства в себе глубоко,
Оставляя открытыми окна и двери,
Чтобы жизнь продолжалась и время текло.

И противилась вся моя сущность земная,
И мой ангел-хранитель не мог допустить,
Чтобы я свое прошлое, напрочь отчаясь,
Смог безжалостно, враз от себя отпустить.

Чтобы я несравненные, чудные лица,
Не колеблясь, предать бы забвению смог,
С тем, кто дорог и мил, пожелал бы проститься,
Не оставив в душе его след, его вздох.

Потому я от прошлого не отрекаюсь —
И живу им, и помню, и в сердце храню,
И свой путь среди рифов и скал освещаю, —
И прощаю себя, и себя я виню...

...Слышу голос желанный — и чувства ликуют,
Вижу образ родной — и нельзя устоять,
Чтобы не освятить этот миг поцелуем,
Чтобы важное что-то сейчас не сказать.

.....
Как прекрасно оно, упоение счастьем,
Что нам дарит невысказанное волшебство,
И в рапсодии жизни живое участие,
И ни с чем не сравнимые свет и тепло.

Я вбираю в себя этот праздник пречудный
И судьбу никогда не престану просить —
Как бы ни было горько, прискорбно и трудно —
Этот праздник волшебный на бис повторить.

СОЛОВЬИ ПРИЛЕТЕЛИ

После зимних, пропитанных грустью снегов
Утолю свою жажду звенящей каплейю,
Удивлюсь невзначай, наблюдая, как вновь,
Возвратясь по весне, птицы песни запели.

Будто не было вовсе холодных ветров,
И морозов трескучих, и вьюжных метелей, —
Раздаются-звонят в полумраке садов
Несмолкающие соловьиные трели.

И среди этой певчей ночной тишины,
Как в преддверии чуда, я вмиг замираю

И ловлю несравненные звуки весны,
И так жадно в себя — без остатка — вдыхаю.

Опьянен донельзя неземным волшебством
Той мелодии, что упоительно льется
И таким несказанно живым ветерком
В мое сердце влетает — и там остается.

.....
Как прекрасны они на весенней заре,
Эти неугомонные милые трели!..
Бьется сердце мое, восторгаясь сильней
Оттого, что опять соловьи прилетели.

О ДУШЕ И СОВЕСТИ

Душа без совести черства,
Безвольна и неприхотлива.
Она жива и не жива,
Вздорна, инертна и спесива.

Огонь бушующих страстей
Ее нисколько не прельщает,
И безмятежно в дреме дней
Она неспешно пребывает.

Ей совершенно невдомек,
Что по традиции давнишней
Она мотает просто срок,
Сполна отмеренный Всевышним.

Зачем, Господь мой, Ты лишил
Того, что душу укрепляет
И придает ей много сил,
И радость добрых дел венчает?

Зачем из тысячи зеркал,
Что служат для святого бденья,
Ты совесть вытравил, изгнал
Из той души без сожаленья?

Я знаю, воля в том Твоя...
Но даже там, на кромке края,
Пусть совесть — сделай так! — меня
На миг один не оставляет.

На перепутье светлых дней
И дней, где может все случиться,
Пусть она еще сильней
В моей душе укоренится.

Антон ЧИЖЕВСКИЙ,
Елена ЧИЖЕВСКАЯ

ЗАПИСКИ ДВОРЯНИНА ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ

Документальная повесть¹

Мой отец, Антон Александрович Чижевский (1894—1971), был человеком в определенном смысле редким. Конечно, мы не выбираем время, в которое нам родиться, и его жизненный путь поневоле пролег через четыре войны, две революции и лихие годы предвоенных репрессий. Эти события подробно изучались историками, описывались в литературных произведениях и воспоминаниях известных людей. Но записей, оставленных рядовыми свидетелями и участниками происходящего, сохранилось мало, особенно у нас в Беларуси, по которой история прокатилась самым тяжелым своим катком. Записки моего отца — из них.

Факты, даты и цифры, бесспорно, очень важны. Однако и не столь значимая, на первый взгляд, картинка из жизни, местный обычай или живописная деталь быта могут немало рассказать о времени и о людях. Это наконец поняла совсем уже немолодая дочь своего отца, решив выпустить в свет некоторые части его рукописных воспоминаний. Единственный аргумент, который можно привести в свое оправдание, — то, что на долю моего поколения тоже выпали исторические переломы, пусть менее трагичные. И впереди благостного покоя тоже не предвидится.

Очевидно, такова уж судьба нашей земли и ее людей.

Елена Чижевская

¹ Начало

ЗЕМЛЯ И ЕЕ ЛЮДИ

Родные места не забываются. Хорошо запомнилась мне усадьба деда¹ в Лашнёве, где прожил я лучшие годы своего детства. Помню просторный дом, а перед домом обширную красивейшую лужайку с семейками белоствольных берез. Весной и летом на этой лужайке любила развлекаться собиравшаяся у нас соседская молодежь: водили хороводы, играли в горелки.

Постройки в усадьбе не были скучены, везде хватало простора и света. От фасада дома, стоявшего, казалось, на едва заметной возвышенности, открывался вид на широкий простор.

Развести сад дед не успел, но он оставил место для него, расположенное так, чтобы деревья не заслоняли прекрасную панораму. На этом месте в 1911 году, спустя шестнадцать лет после смерти деда, мы с сестрой Марией вместе посадили около пятидесяти фруктовых деревьев.

Немного в стороне от двора, восточнее, стояла березовая роща, так называемая «ближняя». Западнее от дома находилась «дальняя роща» из смешанного леса. Это были чудесные места для прогулок и отдыха. Дед не стремился извлекать сугубую пользу из каждой пяди своей земли. При устройстве усадьбы он проявил не только здравый хозяйственный ум, но и эстетическое чувство, мало свойственное его соседям по хуторским именьям.

Неподалеку от усадьбы деда пролежала дорога от железнодорожной станции Крынки на село Погостище. В первые годы нашего столетия² она хоть и называлась большаком, но, по сути, была обыкновенной проселочной дорогой. Летом — немилосердно пылила, а зимой ее заносило снегами. По обочинам дороги, как бы охраняя ее, стояли мощные полувековые березы, посаженные, вероятно, еще крепостными крестьянами. Изредка, в ожидании проезда архиерея или губернатора, местные власти сгоняли крестьян на работы по ремонту дороги, но обычно работы эти ограничивались засыпкой наиболее глубоких выбоин и обновлением прогнивших мостиков.

Верстах в четырех от станции в сторону Погостища начинались хуторские усадьбы. Первой была усадьба Александра Лазаренко, второй — моего деда Чижевского Фомы Викентьевича, далее — латышей Биркенфельда, Бригенека и Зандберга. Помню и другие фамилии обитателей Лашнёва: Версен, Баллод, Прейс, Лаздынь, Мезит и прочие.

Откуда взялось у нас такое множество латышей? Здесь придется заглянуть в историю Северо-Западного края.

Известно, что, когда средневековая Русь тяжело переживала монголо-татарское иго, польско-литовские князья имели возможность овладеть теми или иными западнорусскими территориями. Так произошло с Витебском и прилегающими к нему землями еще в 1320 году. Феодалная собственность была самым обычным делом. Плохо же было то, что местное крестьянство (теперь мы назовем его белорусским), помимо крепостной неволи, несло на себе еще гнет национальный и религиозный.

После трех разделов Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 годах ее восточные территории³ отошли к России. В частности, земли с центром в Витебске были присоединены к Российской империи уже после первого раздела.

¹ Прадеда Е. А. Чижевской.

² XX столетия.

³ Это были не исконные польские земли, а бывшие территории Великого княжества Литовского, присоединенные Польшей по Люблинской унии в 1569 году.

Светлана БЫКОВА

СЛУШАЙ ТИШИНУ...

ТО, ЧТО ЖИЗНЕННЫМ СМЫСЛОМ ЗОВЕМ...

Все кружится, метется и мелется,
Не понять — то ли май, то ль февраль.
Укрывает шальная метелица
Прошлой жизни туманную даль.

Слез горючих скупые горошины,
И надежд молодых первоцвет —
Все, что было, укрыто порошею,
Зыбким маревом прожитых лет.

Но сокрыто под жизни покровами
То, что зреет и ночью и днем,
Что зовется святыми основами,
То, что жизненным смыслом зовем.

Прорастая ветвями могучими
В посветлевший от звезд небосклон,
Над земными поднимет он кручами
Тех, кто светел и духом силен.

ВРЕМЯ ИТОГОВ

Летели, взлетали до неба качели,
А лето играло на виолончели.
Желания сыпались, словно из рога,
И скатертью вдаль расстилалась дорога —

Звала напрямик от родного крыльца,
Казалось — не будет дороге конца...

И были невзгоды, и час звездопада,
И радость, и счастье — от жизни награды.

Но время летело... Исчезли качели,
Охрип, огрубел голос виолончели...
Копну поседевших с годами волос
Уже не собрать в плети шелковых кос...

Но в росах холодных, в пестреющих кронах
Играет луч солнца — венца золотого,
А скрипка со вторящим ей саксофоном
Поют свои песни о жизни итогах...

КНИГА ЖИЗНИ

В книге жизни — запятые, запятые...
Между ними — зим и лет ряды литые.
Ряд неровных междометий, восклицаний,
Диалогов пылких, чувственных признаний,
Сто страниц из ровных, выверенных строчек,
Пересыпанных рядами многоточий...

И опять — вразброс слова и запятые,
Междустрочий пятна чистые, пустые,
Неразборчивы каракули местами...
Размывает их житейское цунами:
Запятые, буквы, точки, знаки, числа...
Уловить бы в них значения и смыслы...

НОЧНЫЕ КРЫЛЬЯ

Раскинулся над спящим миром
Мерцающий небесный свод,
Он неземным, живым пунктиром
В глубины Космоса ведет.

Небесный свет, пронзив Творенье,
Дела чудесные вершит.
Души коснется вдохновенье —
И песню запоем поит.

Расправит сложенные крылья,
Что носит скромно за спиной.
На них, покрытых звездной пылью,
Он устремится в мир иной:

Туда, где злобы нет и горя,
Где ветры вольные поют.

Николай Калько

БАЙКИ ПИНСКОГО БАЗАРА

Миниатюры

* * *

Начинается очередной базарный день. Первым делом надо поприветствовать соседей-торговцев. Затем начинаю неспешно выкладывать товар: каждую вещь — на привычное место. Проверяю ценники. Мелочь на сдачу... Есть. Что еще? Ага, свой удобный стульчик непременно надо поставить в теньке, что продержится до полудня.

Мимо моего прилавка движение уже довольно оживленное, но люди идут, большей частью, в овощные ряды. Да еще дворник с метлой снует туда-сюда, создавая видимость занятости. Мой же покупатель пока не проснулся.

Один из самых известных пинских базарчиков находится в Северном микрорайоне на улице Звездной. Базар возник еще лет пятьдесят назад возле магазина номер сорок четыре — бывшего горпищеторга, а когда стал мешать новостройкам, его перенесли на пустырь через улицу. Но для горожан, да и для приезжих он по-прежнему остается базаром возле сорок четвертого. Это и есть мое рабочее место.

Среди прохожих я заметил Витю Вакулича, с которым мы не виделись уже невесть сколько времени. Он такой озабоченный, целеустремленный, чуть было не проскочил мимо. Я еле успел ухватить его за рукав.

— Извини, — говорит. — Только на минутку заглянул на базар. Семян вот купил, а сейчас тороплюсь на остановку — с женой на дачу поедем.

— Да. Весна. Дача далеко?

— Далековато, в Пугачах.

— Пугачи, Пугачи... — морщит лоб. — Где они?

— Это Малые Дворцы по-другому так зовут. Ты что, не слышал?

— Как-то не приходилось. А как, например, Большие Дворцы зовут по-другому?

— Дачу я заимел недавно, пока не освоился в тех краях. А вот на моей родине, в Бижеревичском сельсовете, у каждой деревни имеется свое прозвище. Если интересно, в другой раз расскажу.

— Конечно, интересно! Еще как интересно!

— Так ты у людей поспрашивай. Тебе такого расскажут... Ну, пока.

— Счастливо! — пожал я ему руку. И задумался над его советом.

Вячеслав НИКИФОРОВ

DS: Режиссер¹

Воспоминание о профессии и не только

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОСТИ, СОБАКА...

Литературный сценарий игрового фильма

21.

— Откуда, сопляки?

«Центральных» трое. И «наших», окраинных, трое. И лет на восемь (в сумме) те старше этих. А то и на десять. Самое же паршивое, что главарем представших перед ними «центральных» оказался Дзюба, парень, известный городской пацанве понаслышке, его мало кто видел, и оттого слухи наделили его невероятными возможностями, преимущественно подлыми. Может, и не было никакого Дзюбы-монстра, одно имя, но его оказалось достаточно, чтобы растиражировать деяния, приписываемые легендарной банде под названием «Черная кошка». Банда реально орудовала где-то в Одессе, но молва распространяла ее существование чуть ли не на всю страну, и почти в каждом регионе была своя «Черная кошка», а значит, и главарь должен быть. В нашем случае он известен как Дзюба.

Бандиты появлялись неизвестно откуда, имели ходули на стальных пружинах, которые позволяли им преодолевать препятствия. То они расправлялись с коммунистами, то наказывали мародеров и спекулянтов. Они пускали под откос поезда, могли облагодетельствовать старушку, у которой сыновья погибли на фронте, — фантастика! Дзюба-атаман, Дзюба-командир, Дзюба-капитан-Робин-Гуд-вор-рецидивист-герой-войны... Дзюба-горбун, Дзюба-девушка, Дзюба-сын — вот! — этим сыном и предстал главарь «центральных» перед пацанами: лет шестнадцати, конопатый, как яйцо кукушки, чубатый, с наглым взглядом, одетый по-городскому, но с едва уловимой приبلатненностью. Двое других — под стать ему.

— Откуда? — ласково спросил Дзюба.

— Из леса, вестимо! — сострил Матьперемать.

Варёный пнул его в бок.

— Местные мы, — твердо сказал Варёный, беря на себя ответственность.

— Где это ты так погрелся? — спросил Дзюба, намекая на шрамы Варёного.

— Ошибки молодости, понял? — Варёный сохранил самообладание.

Тут важно не показать страха, и если бежать, то наверняка.

— Ты меня на «понял» не бери, понял? — угрожающе предупредил Дзюба.

И это пароль, сигнал для своих. Два Дзюбиных спутника — обыкновенные шестерки, и повадки у них хулиганские. Такие бьют из-за спины, дерутся без

¹ Окончание. Начало в № 7 за 2023 год.

правил, любят брать на понт, — во! — один из них достает кастет и небрежненько им помахивает. А другой, дураковатый такой, все норовит ладонь показать, на которой чернилами намалевано что-то, отдаленно напоминающее кошку. И вот они начали обходить мальцов с обеих сторон...

— А ху-ху не хо-хо? — дураковато спросил один из шестерок.

Тут как нельзя кстати появились Акула с Сявой. Размахивая своими палками (а Сява еще и окровавленной майкой), они закричали наперебой:

— Бежим, она там! Теленка на куски разорвала! Это волк, легавый кричал, чтоб все по домам!

Дзюба недоверчиво поинтересовался:

— Чего это вы митуситесь?

— Собаку ищем бешеную! — заорал Акула.

— Ты за луну или за солнце? — спросил Сяву еще один шестерящий, нащупывая слабину.

— За солнце! — перепутал от волнения небесные тела Сява, получив пендаля от брата.

— За пузатого японца! — обрадовался шестерящий.

— Мы за луну! — уточнил Акула в контексте последних международных событий. — За китайскую страну!

— А по морде давно не получал? — спросил тот, дураковатый.

— Уже и не помню, — задумался Акула. — Соскучился. Кто бы, думаю, мне...

Тут, по идее, Акула и должен был «получить», и он это знал. Судьба распоряжается, как известно, по-своему. Двое мужчин, проходя мимо, опытным взглядом оценили ситуацию, и один из них предупредительно сказал:

— Но-но, бойцы! Не балуй!

Дзюба, демонстрируя дружелюбие, приобнял Акулу, увлекая в глубину парка, но приобнял коварно, заламывая кисть и толкая его вперед.

— Полегче на поворотах! — окрысился Акула. — Ты че, легавый?

— И ты где-то позагорал? — Дзюба, заметив под майкой Акулин шрам в полспины, задрал вверх майку.

Ох как не понравилось это Акуле!

— Ага, в танке! — Акула нервно засмеялся.

Дзюбе захотелось поиграть в кошки-мышки, он изобразил восхищение.

— Ну, сопляки, да вы защитники Отечества, за-Родину-за-Сталина? А что ж ваши бабки дома сидели, пока вы в штаны ложили?

— Ну да, мой говорит: «Иди, Акула, повоюй, что-то я устал», — залихватски произнес Акула, изображая дружбана на привале.

Дзюба насторожился.

— Ты Акула? Твой пахан в начальниках? Акулич?

— Он не начальник, в газете работает.

Варёный подхватил Акулину тему:

— И щас отцы наши сидят в пивных да по базарам. Скоро домой, встречать идем. Мой говорит: «Сынок, встреть меня, а то как выпью, так мне убить кого-нибудь хочется».

Те переглянулись, мол, чушь порет, но что-то за этим есть.

— У меня отец — Герой Советского Союза, — брякнул Варёный, чувствуя, что врать надо по-крупному.

Дзюба с шестерками поплевали с презрительным недоверием. А Варёный, стремясь к правдоподобию, дополнил с сиротской горечью:

— Ну, он бросил нас, мать то есть. У него баб знаешь сколько? Еще тот мужик, сука буду! Шас подойдет, увидишь.

Не останавливаться, не делать пауз — даже Сява знал эту премудрость. Настал его черед.

— А ты можешь перднуть три раза подряд! — азартно, как на утреннике, спросил Сява. — А я могу и десять. Хочешь покажу?

Сява, заложив ладонь под мышку другой руки, согнув ее в локте, энергично замахал локтем вверх-вниз, извлекая квакающие звуки. И Зык, зыкнув, захотел украсить аттракцион своим участием. Сява тут же включил его в номер.

— А это наш Зык! (Зыку) Ну-ка, покажи зыка!

— 3-з-3-з-3-з-3-з-3-ЗЫ... ЗЫ-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы-Ы! — зазудел Зык, варьируя тональность и выпучив глаза.

И Дзюба повелся на это.

— Немой, что ли?

Сява без драматизма съобщил:

— Его расстреливали. А пули мимо...

Тут пацаны наперебой давай рассказывать про Зыкову долю.

— Всех покосили, ты-ды-ды... ты-ды-ды, — Акула придурился, будто приключенческий фильм пересказывал. — Из автоматов и пулеметов, и собаки на них!

— А люди — куча-мала! — нагнетал Варёный. — Бабка — на него, и мужики на него повалились...

— Все ребра переломались, он же, зырь, кожа и кости, — вступил Рыжий-Матьперемать.

Сява завершил страшную картину расстрела.

— Он совсем перестал говорить, когда его расстреляли. А мать, когда откопала его, вся белая стала! Белая, как известка!

У Дзюбы свои мыслишки возникли, он гадливо улыбнулся, рассматривая Зыка.

— Живучий, гаденыш пархатый...

— З-з-з-з-з! — ответил ему Зык, и это означало «Я не боюсь тебя!».

Дзюба попытался привести «сопляков» в чувство:

— А вы про «Черную кошку» слышали че?

И загарцевал на своих копытах-пружинах под Сявиным пронзительным взглядом.

— Не-а. А шо цэ таке? — прикинувся дуриком Акула.

— Я — Дзюба, — многозначительно заявил Дзюба. — Гроши есть?

Шестерки начали обыскивать пацанов. Они выгребли из пацаньих карманов уйму замечательных, пригодных на все случаи вещей и побросали в пыль: леску, гильзы, военные пуговицы, спички, шурупчики, цветные стеклышки. Нашли у Зыка два куса макухи, один забрали, у Варёного сухарь — оставили ему на бедность, воткнув в рот.

Дзюба різко притянув за майку Акулу на себе.

— Сегодня на танцах матросы с пехотой будут биться. Если матросня их побьет, мы вас оттырим, — Дзюба не скрывал ненависти. — Оттырим или нет? Не слышу.

— Война план покажет, — уклончиво ответил Акула.

Его пацаны понимали, чего стоила Акуле такая выдержка.

У Сявы за пазухой шестерки нашли бычки в газетном кульке. Посмеялись, раскидали окурки, подавили ногами-копытами. Дзюба продемонстрировал свое превосходство еще и коробкой «Казбека», достав ее из кармана и

смачно закулив папиросу, дунув в мундштук и смяв его в двух местах. Протянул раскрытую коробку Сяве. Папиросы, как карандашики, лежали рядками в коробочке.

Сява посмотрел на них взглядом знатока, сплюнул-цыркнул сквозь зубы, лихо так, гордо отвернулся.

— Не курю.

— Бреешь, — Дзюба разглядывал газетную страницу с фотоснимками недавнего визита Мао Цзэдуна в Москву. — Сталин и Мао слушают вас, пионэры?

Разозлившись за вождей, Сява решил блефануть внаглую — глядя за спины своих обидчиков, он мстительно заорал:

— Вот она! Вот она, падла бешеная!

Собака Баскервильей, брызгая бешеной слюной, скакала прямо на них.

Все оцепенели. А всего-то к ним неторопливо подбегала обыкновенная дворняжка. Приблизившись к одному из шестерок, жующему конфискованную макуху, она доверчиво завияла хвостом. Тот вздрогнул, попятился. Опомнившись, трое «центральных» завопили-залаляли на дворняжку так, что она с перепугу опрокинулась на спину и заскулила.

И пацаны — хороший повод! — дали деру.

22.

Отбежав на приличное расстояние, они остановились.

— Сява, та собака? — спросил Акула брата.

Сява показал на локтях интернациональный жест.

— Хер им! Мою найти надо.

Они продолжили свой путь, зорко поглядывая по сторонам.

Навстречу им брела большая группа мужчин со строительными инструментами — немецкие военнопленные. Конвоиров не видно, казалось, что немцы просто прогуливаются. Для мальчишек это привычная картина.

— Во туханули! — Варёный передразнил «центральных». — «Ша! Я — Дзюба!» Кошковады!

— Йя йему з-з-зы, а он ппподумал нннемой! А я ему говорю: я не бббоюсь тебя! — Зык тоже рад, что легко отделались.

И Акула с удовольствием ругнулся:

— Сучьи потрохи!

Акула своим появлением в нужное время и в нужном месте как бы искупил вину перед дружками, и теперь он делал вид, что никаких эксцессов, кроме встречи с «центральными», и не было. Но у Варёного была хорошая память.

Зык отметил среди немцев самого доходного, подойдя к нему, произнес что-то по-немецки («Извините, пожалуйста, возможно, вы голодны, угощайтесь, пожалуйста.») и сочувственно сунул ему свой уцелевший в обыске кусок. Так, чтобы никто не видел. Сделал он это, вероятно, не в первый раз, и Варёный знал это.

А Рыжий-Матьперемать делился своими познаниями, ссылаясь на авторитет:

— «Черная кошка» — это самая настоящая банда, Олег рассказывал, он все знает, умный, паразит! Бандиты в офицерской форме советской, как оборотни. И некоторые кровь пьют.

— Они от скрещивания такими становятся, — категорично заявил Варёный. — Как только наш предатель с фашистской блядью переспит, так его и тянет на кровь.

Варёный переместился поближе к Зыку и неожиданно дал ему пендаля в наказание «за доброту к фашистам». А чтобы тот лучше запомнил урок, он повторит его чуть позже.

У Сявы, как всегда, разыгралось воображение.

— А правда, что у них стальные пружины в каблуках и они на десять метров прыгают?

— Да брехня это! — злился Варёный. — Для понта, цену себе набивают. А то еще дезу подкинут для лопухов, что старушкам помогают и калекам-фронтовикам, «тимуровцы», бля! А сами грабят, как последние коты помойные, полицаи недобитые. А Дзюба у них атаман, и этот чмур вроде за сына себя выдает.

И Варёный еще раз пнул Зыка ногой под зад.

— Добрый, да?

А Зык, переполненный впечатлениями, развернулся в сторону «центральных» и повторил жест Сявы, подкрепив его яростным зудением.

— З-з-з-з-з-з-з-зы! На!

Одновременно это было и выражением протеста Варёному за его «урок».

Навстречу все тянулась разрозненная толпа военнопленных-строителей. Долговязый, очень худой немец наклонился к Сяве, протягивая деревянную игрушку — самолет. Вежливый Сява поблагодарил.

— Спасибо, дядя.

А немец уж как обрадовался!

— О, «спасибо»! — и продемонстрировал знание языка. — Пожалуйста!

Но Акула разрушил наметившийся политес: выхватил самолетик из рук брата, поотрывал пропеллеры и швырнул остатки вслед фрицу. Меняя тему, Акула начал смеяться, глядя на Варёного.

— А ты молоток! — Акула решил похвалить Варёного за находчивость. — А? Герой... Советского... Союза!.. Герой СэСэ!

И все начали смеяться, потому что назрел сброс эмоций и тому подобное... все, кроме Варёного.

— ЭсЭс! ЭсЭс! Герой ЭсЭс!

И так им понравилось это «эсэс», что они не заметили, как переступили невидимую черту.

Варёный ударил Акулу лбом в лицо. Свалил его с ног. Акула лежа отбивался, но Варёный уже не мог остановиться. Кожа на его лице стала багровой от бешенства. Пацаны бросились разнимать их.

Военнопленные, оборачиваясь, смотрели, не смея вмешаться. Конвойные-солдаты тоже соблюдали нейтралитет, они видели: у этой компашки свои арбитры.

— Лежачего не бить!

— И кккровь!

— Отвал, Варёный! Не нарушай правил!

Зык, Рыжий и Сява растащили Акулу и Варёного в стороны.

Акула с разбитой сопаткой чувствовал себя виноватым и дружелюбно смеялся, извини, мол. Он стоял перед Варёным, вытянув перед ним руки ладонями вверх.

— Ты че, обиделся за батьку? Мы же знаем, что он «враг народа», ну и что? И ЭсЭс ни при чем.

Александр Берёзко

Жить со словом и служить ему

Каким должен быть вузовский учебник по истории литературы? Сложный вопрос с новой силой начал волновать преподавателей и литературоведов с конца 1970-х годов. Предлагались разные варианты решения этой методологической проблемы: принципиальный отказ от пересказа биографий и произведений писателей, сосредоточенность на анализе поэтики текста и много других подходов. Опыт и рекомендации ученых были учтены современниками, но не решили проблему окончательно: она остается насущной для вузовских преподавателей и сегодня.

Нынешнего студента отличает интернет-мышление. Чтение объемной монографии о творчестве интересующего писателя (кроме обстоятельств, когда это обязательное условие, например, для написания курсовой или дипломной работы) чаще всего вызывает у него внутрен-

нее отторжение, неприятие. Нынешний век — это век скорости: человек не успевает выполнять поставленные перед ним задачи. Отсюда стремление к простоте, экономии усилий и времени.

Но эти обстоятельства не отменяют решения важнейшей задачи высшего учебного заведения — подготовки квалифицированного специалиста. Еще раз повторюсь: современное поколение читателей уже не готово жить и мыслить понятиями и представлениями людей XIX и XX века. Требования к изучению основополагающих учебных дисциплин необходимо адаптировать к запросам настоящего времени. Студент-филолог обязан знать историю зарубежной, белорусской и русской литератур. Это незыблемое требование, подтверждающее его квалификацию. Но как решить сложную методологическую проблему, принимая при этом во внимание реалии современной жизни? Как создать учебник по истории литературы для студента-филолога, который смог бы дать ему необходимые знания, умения и навыки, но не стал бы подражанием сделанному предыдущими поколениями литературоведов, учебник, который соответствовал бы реалиям времени?

Вера ЗЕЛЕНКО

Театральный сезон в Большом

Мне не хотелось бы рассуждать о достижениях белорусской культуры с позиции эксперта, искушенного в мире музыки и танцев, да это было бы и неправильно, ибо я все-таки не профессиональный критик. Я не могу с легкостью назвать имена постановщиков и исполнителей главных ролей, хотя их вклад, безусловно, заслуживает самого пристального внимания и отдельного разговора. Мне хотелось бы поговорить об успехах Большого театра как зрителю — неравнодушному, пропускающему через сердце то, что происходит в данный момент на сцене, оценивающему происходящее скорее эмоционально, нежели умозрительно. Как человека пишущего меня волнует не столько техническая сторона режиссерской задумки и то, как соблюдаются каноны, не исполнительное мастерство солистов и танцоров массовых сцен, хотя все это очень и очень важно, сколько то — вызовет ли увиденное и услышанное во время спектакля потрясение моей души.

Мне нравилось бывать в театрах самых разных. Однако Большой театр Беларуси всегда был для меня олицетворением всего подлинно талантливого и даже гениального. С возрастом я стала понимать, что, проживая жизнь, человек, независимо от своей воли, проживает второй и третий пласт своего бытия. У него как будто растет охват пространства, человеческого и культурного, как будто идет бесконечный процесс расширения сознания, — словом, открывается мощное второе дыхание. И все чаще приходит мысль, как прекрасна жизнь, коль дает основу для создания неповторимых театральных шедевров. И нам надо научиться беречь эту жизнь хотя бы для того, чтобы спасти себя и прекрасное наследие человечества.

Полагаю, Екатерина Дулова — генеральный директор Большого театра Беларуси — своим приходом в Большой вдохнула если уж не совсем новую жизнь, которая и до ее прихода, по всей видимости, была достаточно напряженной, — она, по крайней мере, внесла свежую струю в далеко не простое бытие очень мощного, чрезвычайно разветвленного и укорененного организма — могучей структуры с явным присутствием центробежных сил, со всеми вытекающими отсюда коллизиями, что, в общем-то, присуще любому творческому коллективу.

Вера Зеленко

ШНИП Виктор Анатольевич. Родился в 1960 году в деревне Пугачи Воложинского района Минской области. Окончил Минский архитектурно-строительный техникум и Высшие литературные курсы в Москве. Заместитель директора издательства «Мастацкая літаратура», главный редактор журнала «Полымя». Автор книг поэзии и прозы «Гронка святла», «Шляхам ветру», «Пошукі радасці», «На рэштках храма», «Балада камянёў», «Сабачыя гісторыі», «Першы папяровы снег», «Белае, чорнае і залатое» и др. Лауреат Национальной литературной премии в номинации «Поэзия» (2021). Живет в Минске.

КОМАРОВСКИЙ Алесь Адамович. Родился в 1947 году в деревне Николаевщина Столбцовского района Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик. Автор книг «Пачатак», «Зямля маіх надзей», «Валошкі памяці», «Азбука жыцця» и др. Живет в Минске.

МАКСИМОВИЧ Валерий Александрович. Родился в 1962 году в деревне Троянец Логойского района Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, литературовед, критик, доктор филологических наук. Автор книг поэзии «Мяцежная споведзі скрыжалі», «Сярод блукаючых планет», «Пакуль шыпшына квеценню гарыць», «Любви дарованной мгновенья». Заведующий отделом философии литературы и эстетики Института философии НАН Беларуси. Живет в Минске.

ЧИЖЕВСКАЯ Елена Антоновна. Родилась в 1953 году в Минске. Окончила Минский государственный педагогический институт имени А. М. Горького. Публицист, прозаик, переводчик. В серии «ЖЗЛ» в ее переводе вышли книги «Стендаль», «Жан-Жак Руссо», «Гарсия Лорка». Живет в Минске.

БЫКОВА Светлана Анатольевна. Родилась в 1962 году в городе Заславле Минской области. Окончила Институт народного хозяйства имени В. В. Куйбышева. Поэт, прозаик, переводчик. Автор ряда книг для детей и взрослых. Лауреат Республиканского конкурса «Женщина года — 2017» в номинации «Культура и духовность», а также республиканских и международных литературных конкурсов. Награждена медалью Франциска Скорины. Живет в Заславле.

КАЛЬКО Николай Иванович. Родился в 1962 году в деревне Рагодоць Ивановского района Брестской области. Окончил Пинский мясо-молочный техникум. Печатался в периодических изданиях Беларуси и коллективных сборниках. Живет в Пинске.

НИКИФОРОВ Вячеслав Александрович. Родился в 1942 году в селе Веселое Адлеровского района Краснодарского края (Россия). Окончил режиссерский факультет Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова. Кинорежиссер, сценарист, актер, педагог. Заслуженный деятель искусств БССР, лауреат Государственной премии СССР, премии «Золотой орел» Российской киноакадемии. Живет в Минске.